

УДК 314:316.4 (575.2)

**ОСОБЕННОСТИ УЧЕТА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ НАСЕЛЕНИЯ
КЫРГЫЗСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

В.В. Плоских

Проанализированы некоторые важнейшие группы источников демографического и этноконфессионального учета населения Кыргызстана после его присоединения к Российской империи, а также раскрыты принципы организации учета.

Ключевые слова: демография; кыргызы; переселенцы; учет населения; переписи; этнический; религиозный; сословно-классовый состав населения.

**THE ACCOUNTING PECULIARITIES OF ETHNOCONFESSIONAL PROFILE
OF THE POPULATION OF KYRGYZSTAN IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

V.V. Ploskikh

The article analyzes some of the most important group of sources of demographic and ethnoconfessional account of the population of Kyrgyzstan after joining the Russian Empire, as well as the principles of organization of accounting.

Keywords: demography; Kyrgyz; immigrants; population; census; ethnic, religious, caste and class composition of the population.

Учет населения во все времена был делом государственной, стратегической важности, но делом непростым, сопряженным с определенными трудностями. Тем более это справедливо для того периода, о котором идет речь – для второй половины XIX в., когда Кыргызстан стал частью Российской империи. Постепенное проникновение капиталистических устоев на новые российские земли – окраины империи, расширение рынка труда, рабочей силы, изменение или усложнение финансовой системы, географическая специализация хозяйств и часто не поддающиеся своевременному учету и контролю миграционные потоки в Туркестан – эти проблемы, носящие всероссийский характер, осложнялись центральноазиатской спецификой. Это кочевой образ жизни большей части населения с постепенным процессом оседания, что приводило к формированию хозяйств разного типа – кочевых, полукочевых и оседлых, которые перманентно находились в состоянии динамики и трансформаций, затрудняющих проведение статистического учета и ставящих под сомнение его достоверность.

Государственные архивы и статистические сборники сохранили и донесли до наших дней важ-

нейшую для исследователя информацию о численности населения, его динамике, демографической картине в определенных хронологических рамках, однако (и это хорошо известно ученым) некоторые материалы были фальсифицированы или утрачены безвозвратно под влиянием политических событий или в угоду власти преобладающим.

С развитием капиталистических отношений и проникновением их в среду центральноазиатского контингента таких процедур, как переписи населения в виде ревизий, текущий учет населения, ведение “метрических” документов на уровне церковного или административно-полицейского учета, оказывалось недостаточно для получения более-менее объективной и достоверной информации о населении, поэтому и учет претерпел некоторые изменения. К примеру, необходимо было фиксировать, кроме приписного, еще и наличное население, учитывать все население, а не только податное, т. е. платившее налоги, учитывать характер миграционных процессов, вводить определенную периодичность учетных мероприятий, приурочивая их к заранее установленной дате проведения переписи или иной статистической акции.

Все эти мероприятия должны были способствовать более научной организации переписного дела, что, конечно же, происходило постепенно, с течением времени и с опытом.

Текущий учет населения Кыргызстана (численность, состав, миграции и пр.) в изучаемый период был возложен на административные структуры и полицию, что мало чем отличается от принципов организации учета и в наши дни). Работали сельские и городские структуры, вся разъяснительная работа велась Центральным статистическим комитетом (ЦСК). Обязательным было требование учета предыдущих данных, органы госадминистрации приобретали положительный опыт, что позволяло совершенствовать процедуры проведения учетных акций и способствовало более полному и точному сбору сведений.

Процедурно это было организовано следующим образом: вся низовая информация из волостей, уездов, аулов и других поселений поступала в губернские статистические комитеты, которые проводили сверку с предыдущими отчетами по губернии и административным единицам.

Материалы полицейско-административных исчислений, проводившихся в России нерегулярно – через 3, 5 и даже 15 лет (ср.: 1858, 1863, 1867, 1870, 1885, 1896 гг.), вместе с тем фиксируют статистику по многим показателям: наличное население (городское и сельское), сословно-классовый, религиозный состав, однако материал об этническом составе либо в них совершенно отсутствует, либо представлен эпизодически, как это сделано замечательным картографом и этнографом Александром Риттихом только для обследования 1867 г. Надо отдать должное исследователю, труды и опыт которого поистине бесценны. Взять, к примеру, “Атлас народонаселения губерний Западно-Русского края по исповеданиям” (1864 г.), над которым он трудился в течение почти пяти лет и представил точные сведения и карты по девяти губерниям России [1], или “Материалы для этнографии России: Казанская губерния” (1870 г.).

Отчеты и обзоры, подготовленные при участии губернаторов всех областей региона, за период с 1868 по 1916 г. также ценны, поскольку являются ежегодными и содержат сведения о движении населения, о его численности и этническом составе. Эти источники всесторонне исследованы Н.Е. Бекмахановой, которая дает их анализ и оценку [2].

Таким образом, вниманию исследователя открывается довольно широкий массив источников учета населения, содержащих разнообразные сведения. Это полицейско-административные документы, церковный учет, а также переписи

населения 1897, 1916 и 1917 гг. Эти источники демонстрируют важные показатели численности и состава населения, динамики и удельного веса роста населения, векторов и характера миграционных процессов, как внутренних, так и внешних. Другой вопрос, насколько эти сведения могут быть признаны достоверными, ведь даже такой корифей в вопросах народонаселения, как В.М. Кабузан, не рассматривает эти источники применительно к Кыргызстану, довольствуясь сведениями о губерниях европейской части России [3]. Дореволюционная и советская историография также не рассматривает их в качестве достоверных источников, заслуживающих внимания ученого сообщества.

В этой связи в нашем исследовании делается акцент на группе источников, которые были типичны в период до проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. Это данные так называемого кибиточного сбора и переписей кыргызского населения (с учетом степени оседлости), которые проводились по аилам, волостям, уездам и областям [2, с. 120]. Основной целью покибиточных переписей являлось обеспечение регулярных поступлений от налогоплательщиков в казну. Выборная, низовая администрация и общество несли ответственность за точный учет населения и своевременную уплату податей. Говорить о степени достоверности этих сведений приходится с большой натяжкой, поскольку администрация аилов, которая проводила эти сборы, предоставляла заниженные цифры по количеству кибиток. Перепись по кибиткам – это практически перепись по каждому семейству отдельно.

При сборе кибиточной подати за основу для раскладки бралась сумма подати по аилам и данные покибиточной переписи, проводившейся раз в три года. Эта сумма определялась для всех аилов волости приговором волостного съезда выборных и фиксировалась в волостных книгах покибиточного сбора. На аильных сходах определенная для платежа сумма раскладывалась на хозяев кибиток по благосостоянию каждого. Бедные могли быть освобождены от уплаты, причитающаяся с них сумма раскладывалась на общество. Приговоры аильного схода с указанием имен хозяев кибиток, сумма сбора и данные об освобожденных от подати вносились в специальные книги покибиточного сбора. Сумма сбора контролировалась уездным начальством через волостных управителей на основании сверки книг покибиточного сбора о раскладке подати с материалами переписи кибитковладельцев и подшивками квитанций об уплате сбора [2, с. 125].

Следует отдать должное администрации, поскольку учет был организован достаточно серьезно:

квитанции об уплате налога заверялись подписью и печатью, бланки квитанций учитывались как документы строгой отчетности, квитанции фиксировались по номерам, выписывались в двух экземплярах, один из которых хранился в администрации, велась подшивка этих документов в специальной книге для предоставления сводных отчетов. Однако при внешнем благополучии учетных операций использование этих данных в качестве достоверного источника сомнительно, ведь, как было отмечено выше, исходные цифры были сознательно занижены.

Архивы сохранили материалы трехгодичных переписей населения Кыргызстана и Казахстана, проводимых во второй половине XIX в. Проводилась перепись местной администрацией айлов и волостей под контролем со стороны областного и уездного начальства. При проведении переписи оставались действительными правила 1859 г., которые узаконивали деятельность переписчика и являлись инструкцией для производства переписи. Наставления в правилах ограничивались указаниями о том, какие сведения должен собрать переписчик. Приемы переписи зависели от самого переписчика и определялись практикой. Переписчики заносили население кибиток в переписные листы, сверяли их с документами предыдущей переписи, составляли сводные ведомости. Разность между действительным числом населения в кибитках и показанным переписчиками не считалась утайкой, если при исчислении в первый год в ауле на 100–200 кибиток оказывалось лишним население от двух до четырех кибиток.

Первичным документом при учете населения все так же оставался переписной лист, на основании которого составлялись сводные документы, которые назывались ведомостями. Представители администрации из местного населения приписывались к тем айлам, в которых числились их семьи. Переписные листы удостоверялись подписью переписчика, депутатами от казахов и киргизов, айлыми старшинами, волостным и уездным правлениями. Если перепись велась в рамках области, то в ней принимали участие два чиновника из областных учреждений. Данные переписи прошнуровывались и закреплялись печатью областного правления.

Таким образом, трехгодичные переписи в совокупности с дополнительными материалами можно использовать для выяснения численности населения, темпов и направлений сезонных и длительных внутренних миграций, внешних миграций, для составления карт этнического состава и размещения населения. За отсутствующих платила айльная

община. Переписчики, производившие переписи, приезжали в айлы с данными предыдущей переписи. Они учитывали переселения, совершавшиеся по разрешению администрации, и фиксировали их в примечаниях к переписи. О самовольно откочевавших семьях местная администрация или айльные выборные подавали сведения как о временно отсутствующих. Учитывались все перемещения казахского и кыргызского населения из волости в волость, из уезда в уезд, из области в область и губернию.

Изучение миграций внутри региона позволяет корректировать трехгодичные поверочные переписи, объяснить численные расхождения данных в них о населении, уточнить его размещение и дать реальные, близкие к достоверности сведения о демографических процессах в регионе.

Материалы трехгодичных переписей как источники еще не привлекались исследователями для широкого изучения миграций и учета населения обследуемого периода [4, с. 208]. Этот комплект источников требует привлечения дополнительных сопоставимых источников для его проверки и дополнения статистических данных.

Дополнением к материалам покибиточных переписей и покибиточного сбора являются локальные переписи и частные обследования по различным программам и заданиям, которые проводились чиновниками местных гражданских учреждений, войсковых казачьих канцелярий, начальниками, военных гарнизонов в районах расположения их отрядов. Эти материалы, собранные как ведомствами, так и частными лицами, не дали систематического источника, охватывающего всю изучаемую территорию, но имеют ценность для сопоставления и проверки основного источника – материалов покибиточных переписей, покибиточного сбора и ведомостной статистики, позволяют проконтролировать степень полноты и достоверности первоисточника.

В отчетах и обзорах губернаторов содержатся сведения о численности прихожан по вероисповеданиям и о естественном росте населения по областям, уездам, городам. Эти сведения дают дополнительный материал по исторической демографии и этнической статистике, так как вероисповедная принадлежность в значительной мере была этническим определителем для ряда народностей (евреев, калмыков, немцев, дунган, уйгуров).

При изучении сложного процесса естественного движения населения и его этнического состава в эпоху капитализма возрастает значение церковного учета населения. Главный врачебный инспектор России, ЦСК Министерства внутренних

дел (МВД) и другие ведомства в период капитализма стали широко публиковать данные церковной статистики о естественных передвижениях населения по вероисповеданиям. С 1872 по 1916 г. ЦСК МВД издал сведения за 1867–1910 гг. [5].

В результате согласований между Святейшим синодом и МВД в ЦСК были составлены подробно расписанные правила и формы для представления данных из метрических церковных книг: 1) все данные распределялись по месяцам года; 2) для родившихся, кроме законных и незаконных рождений, указывались близнецы, подкидыши и мертворожденные; 3) умершие распределялись для каждого года по возрастам, а детей, умерших до одного года, распределяли по трехмесячным группам; 4) при заключении браков указывался возраст жениха и невесты. Указанные сведения поступали ежегодно из каждого церковного прихода в губернские статистические комитеты и там сводились в общие таблицы по областям, уездам, городам, с разделением жителей по вероисповеданиям. Подлинные приходские ведомости оставались в губернских или областных комитетах, а составленные по ним своды отправлялись в ЦСК. Эти правила об извлечении сведений из метрических книг касались только православного исповедания, а затем по распоряжению МВД были распространены на все иноверческие вероисповедания.

Сведения по новой форме стали поступать из губернских статистических комитетов с 70-х гг. XIX в. Что касается полноты и достоверности этих сведений, то они различались для всех административных единиц и зависели от состава населения губерний и областей, их территории, расположения, а также от административной организации.

Распространено мнение, что метрические книги в Российской империи велись недостаточно тщательно и что ими невозможно пользоваться статистикам. Такую точку зрения относительно метрических книг высказывали Н.И. Красовский и Д.П. Журавский [6, с. 238]. Действительно, не везде и не всегда исправно велись и хорошо сохранились метрические книги, тем не менее, для второй половины XIX в. ими можно пользоваться. Метрические книги в Кыргызстане, как и всероссийские, имеют общий недостаток. В них регистрировались церковные обряды, совершавшиеся над родившимися, умершими и вступившими в брак, но не перечислялись родившиеся, умершие и вступавшие в брак. На этом основании в метрике фиксировался день крещения, а не день рождения; день похорон, а не день смерти. В ряде районов края метрические книги не велись своевременно, во всей полноте и с надлежащей точностью.

В “Статистическом временнике Российской империи”, который издавался ЦСК в Петербурге с 1866 по 1890 гг., но совершенно непериодически, в неопределенные сроки, отдельными выпусками, представлены таблицы, отражающие общие итоги родившихся, умерших и число браков по каждой из областей. В таблицах указан процент родившихся, умерших и заключивших брак на каждую сотню жителей. Из метрических данных для публикации отобраны только итоги, относящиеся в целом к области или губернии. Вследствие этого в каждом разделе опубликованных сведений для каждого вероисповедания одна таблица представляет ежемесячные итоги, а другая отражает частные случаи (в графе о смертности разделяются умершие по возрастам, в графе о браках указывается возраст женихов и невест) [7]. К примеру, в отчетах Медицинского департамента МВД зафиксированы сведения о естественных миграциях населения всей империи, в том числе и изучаемого региона, за 1880–1895 гг., но с 1887 г. там же имеются и поездные сведения [8], что, конечно же, приносит определенные неудобства исследователю и заставляет привлекать дополнительные источники для придания достоверности.

Для данного периода важной группой материалов учета населения Кыргызстана являются губернаторские и ведомственные отчеты МВД и Министерства финансов. Б.Т. Литвак провел источниковедческий анализ документации МВД, в результате которого им было установлено 138 разновидностей документации, из них 48 отражают вопросы демографии и экономического положения населения [9, с. 152]. Особенностью формуляров этих документов в изучаемый период для Кыргызстана было то, что они имели табличную форму, сократилась описательная часть, которая теперь включала пять-шесть пунктов в цифровом выражении. Отчеты составлялись близко к программе 1870 г., но падение функционального значения губернаторских отчетов в начале XX в. снижает их полноту и источниковедческую ценность.

Самым обобщающим и надежным статистическим источником по демографии конца XIX в. остается Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сведения о родном языке населения в сочетании с данными о родоплеменном составе, сословной принадлежности, вероисповедании позволяют определить этнический состав жителей с необходимой степенью достоверности и на территории Кыргызстана [10].

Таким образом, разнообразие указанных опубликованных и архивных источников, несмотря на имеющиеся издержки, вполне позволяет изучать

темпы естественного роста и этно-конфессиональный профиль населения в Кыргызстане второй половины XIX в. уже начиная с семидесятых годов.

Литература

1. Атлас народонаселения губерний Западно-Русского края по исповеданиям. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Типография В. Велинга, 1864. URL: <http://www.maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php>
2. Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в. – 1917 г.) / Н.Е. Бекмаханова. М.: Наука, 1986.
3. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизии) / В.М. Кабузан. М., 1963.
4. Рыбаковский Л.Л. Методологические вопросы прогнозирования населения / Л.Л. Рыбаковский. М.: Статистика, 1978.
5. Брук С.И. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) / С.И. Брук, В.М. Кабузан // История СССР. 1980. № 3.
6. Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. / Н.Е. Бекмаханова. М.: Наука, 1980.
7. Статистический временник Российской империи. URL: <http://www.elibrary.tambovlib.ru/?ebook=3487>
8. Кронгардт Г.К. Население Киргизии в последней трети XIX – начале XX в. / Г.К. Кронгардт. Фрунзе: Илим, 1989.
9. Литвак Б.Т. Очерки источниковедения массовой документации / Б.Т. Литвак. М., 1979.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 2. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.